
УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ
И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

© 2023 г. Ю. В. Голик^{1, *}, О. В. Левашова^{2, **}, Ю. А. Чернышева^{3, ***}

¹Московская академия Следственного комитета Российской Федерации

²Липецкий филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

³Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

*E-mail: akskrf@yandex.ru

**E-mail: olia.levaschova@yandex.ru

***E-mail: chernyshevayulia@mail.ru

Поступила в редакцию 08.06.2022 г.

Аннотация. Глобальные процессы, происходящие на международной политической арене, скорее соответствуют состоянию немой конфронтационной и информационной войны, заставляя Россию все активнее обороняться, отражая всё новые и новые удары потенциальных и установленных противников. Обеспечение государственной безопасности — неотъемлемая и одна из важнейших функций государства, она имеет своей задачей предупреждение и пресечение действий, нарушающих спокойствие и порядок. Именно эта тематика находится в тесной взаимосвязи с процессами предотвращения и противодействия преступности, поскольку от эффективного функционирования соответствующих процессов зависит успех противодействия преступности и, соответственно, обеспечение национальное безопасности.

С учетом изложенных факторов приоритетной задачей государства становится обеспечение как собственной безопасности, так и безопасности своих граждан. В статье рассматриваются отдельные составы преступлений, посягающих на национальную безопасность, что позволяет оценить масштабность и глубину избранной темы. Авторами высказаны предложения, которые должны способствовать укреплению законности при обеспечении национальной безопасности.

Ключевые слова: государственная безопасность, общественная безопасность, национальная безопасность, профилактика преступности.

Цитирование: Голик Ю.В., Левашова О.В., Чернышева Ю.А. Уголовная политика государства в сфере обеспечения национальной безопасности // Государство и право. 2023. № 4. С. 84–92.

DOI: 10.31857/S102694520024845-0

CRIMINAL POLICY OF THE STATE IN THE FIELD
OF NATIONAL SECURITY

© 2023 Yu. V. Golik^{1, *}, O. V. Levashova^{2, **}, J. A. Chernysheva^{3, ***}

¹Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

²Lipetsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

³Bunin Yelets State University

*E-mail: akskrf@yandex.ru

**E-mail: olia.levaschova@yandex.ru

***E-mail: chernyshevayulia@mail.ru

Received 08.06.2022

Abstract. The global processes taking place in the international political arena are more likely to correspond to the state of a silent confrontational and information war, forcing Russia to defend itself more actively, reflecting more and more blows from potential and established opponents. Ensuring State security is an integral and one of the most important functions of the state, it has as its task the prevention and suppression of actions that violate peace and order. It is this topic that is closely interrelated with the processes of preventing and countering crime, since the success of countering crime and, accordingly, ensuring national security depends on the effective functioning of the relevant processes.

Taking into account the above factors priority task of the state is to ensure both its own security and the security of its citizens. The article examines individual elements of crimes that infringe on national security, which allows us to assess the scale and depth of the chosen topic. The authors have made proposals that should contribute to strengthening the rule of law while ensuring national security.

Key words: state security, public security, national security, crime prevention.

For citation: Golik, Yu. V., Levashova, O.V., Chernysheva, J.A. (2023). Criminal policy of the state in the field of national security // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 84–92.

Проблема нейтрализации и противодействия преступлениям против основ национальной безопасности Российской Федерации, ранее именовавшихся особо опасными преступлениями против государства, является весьма актуальной, а эффективное применение норм уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за преступления против основ национальной безопасности, имеет важное превентивное и политическое значение. Основные направления такой деятельности государства составляют содержание ее политики в сфере противодействия преступности, традиционно охватываются широко представленным в юридической литературе феноменом уголовной политики¹. Несложно заметить, что подобный феномен формируется ответной реакцией государства только по такому антисоциальному явлению, как преступление. Подобное обстоятельство объясняется тем, что оно находит свое отражение в различных нормативных предписаниях, непосредственно направленных на противодействие именно общественно опасным деяниям в той или иной сфере. Однако в существующей доктрине отечественного уголовного права сложно выделить комплексную, единую концепцию уголовной политики с учетом того, что необходимость в ее наличии как никогда актуальна.

На наш взгляд, эффективность уголовной политики в указанной сфере определяется не столько выбором того или иного вектора концептуального развития, сколько уровнем качества содержания и степени производительности реализации нормативных предписаний действующего уголовного законодательства, с учетом существующих угроз и политической обстановки в Российской Федерации. Очевидно, что действующая система уголовно-правовой охраны основ национальной

безопасности нуждается в своем переосмыслении, а соответственно, и в некотором видоизменении, что позволило бы адекватно противодействовать существующим и потенциальным угрозам в этой важной сфере жизнедеятельности государства. В подтверждение такого тезиса можно привести суждения Д.А. Рясова, согласно которым существующая ныне система уголовно-правовой охраны государственного суверенитета должна, безусловно, охватывать все существующие и возможные существенные угрозы для государственного суверенитета Российской Федерации².

Итак, обновленная система мер уголовно-правового противодействия преступным посягательствам на основы национальной безопасности Российской Федерации должна отвечать принципиально новому уровню, способному нейтрализовать такие посягательства.

Следует отметить, что до сих пор еще не разработаны необходимые принципы и критерии, которые позволят наглядным образом определить пределы круга общественно опасных посягательств, способных в полной мере причинить вред основам национальной безопасности Российской Федерации, чем в принципе и объясняется их безнаказанное активное распространение. В связи с этим необходимо разработать концепцию по совершенствованию действующих норм и определению соответствующих границ преступных посягательств на основы национальной безопасности с учетом современных геополитических реалий, а следовательно, и установление конкретного перечня преступлений, подрывающих основы национальной безопасности Российской Федерации. В основу предлагаемой концепции будут положены основные принципы, разработанные на основе достижений науки отечественного уголовного права.

¹ См.: Мельниченко А.Б. Уголовно-правовые средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д., 2009. С. 177.

² См.: Рясов Д.А. Основы конституционного строя в содержании объекта уголовно-правовой охраны // Бюллетень Владаккавказского института управления. 2018. № 54. С. 88.

С целью эффективной защиты основ национальной безопасности необходимо выделить круг общественно опасных посягательств, прямо или даже косвенно способных причинить вред указанному объекту уголовно-правовой охраны. Соответственно, определение социально-юридической сущности, правовой природы рассматриваемого объекта позволит решить подобную проблему. Как справедливо отмечает Д.Е. Свистунов, «чем точнее будут определены признаки объекта преступного посягательства (в этом случае государственного суверенитета), тем эффективнее будет его уголовно-правовая охрана»³.

Соглашаясь с подобной аксиомой, Л.Д. Гаухман подчеркивал, что значение объекта посягательства заключается в том, что он: «1) соответствует общественным отношениям, которые олицетворяют сущность социально-экономической формации государства, выгодны и желанны господствующему классу, наиболее ценны и важны; 2) обеспечивает разграничение преступлений; 3) является критерием для построения системы Особенной части УК; 4) определяет во многом квалификацию преступления; 5) позволяет осознать социально-политическую и правовую сущность преступления»⁴.

Следовательно, такие положения свидетельствуют о том, что определение четкого и, возможно, исчерпывающего круга преступлений, посягающих на соответствующий объект, находится в строгой зависимости от возможности определения сущностной характеристики и природы такого объекта. В нашем случае — общественные отношения в сфере охраны основ национальной безопасности Российской Федерации.

Таким образом, определение круга конкретных общественно опасных посягательств на основы национальной безопасности Российской Федерации объясняется естественной потребностью уголовно-правовой науки. Это обстоятельство позволяет выявить системный подход в части локализации и противодействия наиболее опасным посягательствам на основы национальной безопасности нашего государства. С этой целью в действующем уголовном законодательстве законодатель сконцентрировал группу подобных однородных общественно опасных посягательств в разд. X Особенной части УК РФ. Однако с учетом уже существующих новых вызовов не менее острой и весьма актуальной является проблема наполняемости этого раздела Уголовного кодекса РФ

соответствующим содержанием, т.е. уголовно-правовыми предписаниями.

Нормативными предписаниями, предусматривающими уголовную ответственность за совершение рассматриваемых преступлений, должны быть нормы, которые содержат признаки только тех деяний, которые реально составляют соответствующую угрозу основам национальной безопасности Российской Федерации. Ими могут быть как совсем «новые» уголовно-правовые предписания, так и в некоторой степени обновленные, но уже действующие законодательные нормы разд. X Особенной части УК РФ. Это влечет за собой, помимо и без того довольно частых ссылок криминологов на «политизацию» борьбы с преступностью или пагубное влияние неконтролируемого «популизма», и требует тщательного интерпретационного анализа и реконструкции способов, которыми ведутся споры по поводу вопроса о преступлении (что это такое? кто несет за это ответственность? как на это следует реагировать?), всегда отчасти являясь состязаниями между различными политическими идеологиями и значением, значимостью и ценностью их основных и смежных концепций.

Это требует постоянных усилий для ответа на два набора вопросов: во-первых, что современные и формирующиеся политические идеологии могут сказать о преступности и как они, соответственно, пытались сформировать способы выявления преступлений и реагирования на них за последние несколько десятилетий? Какие виды порядка или порядков каждый из них стремился реализовать?

Во-вторых, как на содержание и судьбу различных идеологий повлияло значение преступности как социальной и государственной проблемы? Насколько концептуально они были оснащены, чтобы адаптироваться / реагировать на многочисленные требования к порядку? Какие изменения произошли в результате взаимодействия этих идеологий с преступностью? Можно ли обнаружить формирование и артикуляцию идеологий борьбы с преступностью?⁵ Вновь обратившись к дискуссиям последних нескольких десятилетий с учетом этих вопросов, касающихся значения управления, можно приблизиться к сути того, что поставлено на карту, когда совершается преступление. Поступая таким образом, мы можем пролить новый свет на то, как споры о преступности и ее контроле неизбежно переплетаются с более широкими вопросами о власти и пределах полномочий, распределении социальных благ и условиях коллективного сосуществования.

³ Свистунов Д.Е. Национальная безопасность в Российской Федерации: теоретико-правовое исследование // Вестник Матвейского гос. ун-та. Сер. «Исторические науки. Юридические науки». 2017. № 1 (9). С. 78.

⁴ Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 414.

⁵ Интересна в этом плане недавно вышедшая монография: Фадеев В.Н., Долганов А.В. Криминолиберализм: общественно-криминологическая экспертиза либеральных реформ в России. М., 2022. Книга первая.

При этом следует отметить, что наличие эффективного механизма качественного формирования таких положений представляется чрезвычайно важным, потому что это позволит исключить в законодательной практике случаи поспешной криминализации потенциально опасных для рассматриваемого объекта деяний, что в результате может привести к научным дискуссиям в части установления, каким конкретным общественным отношениям (интересам, благам или социальной ценности) причиняется ущерб вследствие их осуществления. Это, в свою очередь, способствует активизации соответствующих проблем в части как научно-теоретической классификации таких деяний, так и их квалификации практическими работниками.

Одной из главных причин в отсутствие одинаковой научной систематизации преступлений против основ национальной безопасности Российской Федерации также является игнорирование законодателем гносеологических правил юридической техники. Подобные проявления возможны в случаях, когда отдельные социальные явления трактуются в законодательных актах средствами, несоответствующими основным лингвистическим установкам, что в результате затрудняет или делает невозможным процесс познания юридической природы составов преступлений, содержащихся в разд. X Особенной части УК РФ. Этим обстоятельством, возможно, и объяснимо отсутствие единообразного понимания сущностной характеристики видового объекта рассматриваемых преступлений, а соответственно, и наличие всевозможных спорных трактовок об их научной дифференциации.

При этом необходимо отметить, что количество видов исследуемых преступлений, которые разработали отечественные ученые, в зависимости от их видового (группового) объекта не имеет самостоятельного научно-теоретического или практического значения. Как правило, подобные систематизации позволяют осознать правовую природу каждого из них, и лишь только в том случае, если социальная сущность двух и более рассмотренных посягательств совпадает, — появляется реальная возможность для их научной классификации.

В каждой из предоставленных в научной литературе классификаций, в каждой отдельной группе таких преступлений можно выявить комплексы непосредственных объектов, присущих, как правило, каждому преступлению соответствующей группы. Такая идентификация непосредственных объектов в подобной системе дает возможность соответствующим образом установить круг непосредственных или альтернативных общественных отношений, по которым существует реальная или потенциальная угроза соответствующего общественно опасного

посягательства. Иными словами, наличие таких однородных комплексов общественных отношений находится в прямой зависимости от соответствующих однородных источников опасности, что, в свою очередь, и формируют такие объекты.

Следовательно, подобные комплексы непосредственных объектов каждого из видов таких преступлений можно рассматривать как важнейшие сферы основных интересов государства, которые в результате должны быть взяты под защиту государством путем принятия мер уголовно-правовой охраны, в данном случае нормами Особенной части УК РФ.

Таким образом, исследованные ранее гипотезы о классификации таких преступлений позволяют разработать научно обоснованную концепцию — систему знаний, что, в свою очередь, позволяет установить как юридический алгоритм распределения рассматриваемых преступлений по отдельным видам, так и круг преступных посягательств, потенциально опасных для конкретного объекта уголовно-правовой охраны — основ национальной безопасности Российской Федерации.

Однако каким образом политическая оценка борьбы с преступностью должна учитывать идеологию, понимаемую таким образом? Такая оценка признает, прежде всего, что вопрос о преступности и о том, как на нее реагировать, неизбежно формируется идеологическим мышлением — борьбой внутри политических идеологий и между ними. Изучение идеологии не означает разделение социальных, профессиональных и политических субъектов и «беспорядочного» политического мира на аккуратные коробки и коробочки. Скорее это влечет за собой подробный анализ того, как идеологическая аргументация (и изменения) проявляется в отношении конкретных методов борьбы с преступностью. Иногда, соревнуясь, идеологии могут явно и открыто способствовать формированию соответствующих линий борьбы — место и пределы рынков в обеспечении правопорядка и наказании были ярким недавним примером. В отношении других практик существуют менее четкие идеологические ответы на рассматриваемый вопрос. Возьмем, к примеру, восстановительное правосудие. Это было воспринято таким образом, чтобы апеллировать к консервативной концепции ответственности, к неолиберальной озабоченности правительственными инновациями, к республиканской добродетели гражданского участия и к либертарианству или популизму.

Наконец, политический способ оценки регистрирует и работает с тем фактом, что почти все размышления о преступности являются формой того, что называется «политическим мышлением».

Таким образом, в части совершенствования уголовно-правовой охраны основ национальной

безопасности, следует подчеркнуть, что эффективность и высокий уровень уголовно-правового противодействия главным образом определяются возможностью установки исчерпывающего круга общественно опасных посягательств антигосударственной направленности. Считается, что в основе их формирования лежит как основной, так и дополнительный объект посягательства, позволяющий выделить в действующем уголовном законодательстве систему преступлений: непосредственно посягают на указанный объект уголовно-правовой охраны; косвенно (опосредованно) посягают на такой объект. Предоставленное положение дает возможность в определенной степени унифицировать и дифференцировать действующее уголовное законодательство в части противодействия противоправным посягательствам на основы национальной безопасности Российской Федерации, а следовательно, существенно повысить эффективность борьбы с ними на современном этапе такой охраны государственной безопасности.

Правовое содержание безопасности Российской Федерации было отражено в одноименном Законе РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 (утратил силу). В данном акте описывалась сущность этого понятия через раскрытие его составных элементов: безопасности общества и личности. Безопасность понимается как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества, государства от внутренних и внешних угроз, а жизненно важные интересы можно трактовать как совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства⁶.

Тем самым можно утверждать, что основными объектами безопасности являются: во-первых, само государство с его конституционными основами и суверенитетом; во-вторых, конституционно-правовой статус личности в совокупности с ее правами, свободами и законными интересами; в-третьих, общество, включая его нравственные и материальные ценности.

Отсюда следует, что видовым объектом основных экстремистских преступлений, предусмотренных в Уголовном кодексе РФ, является в узком понимании безопасность личности, а в широком — безопасность государства, которая соотносится с объектом охраны через конституционный строй.

При этом необходимо акцентировать внимание на том, что до сих пор в уголовно-правовой науке

отсутствует единообразное понимание непосредственного объекта экстремистских преступлений.

Так, например, Х.М. Мужахоев пишет, что непосредственным объектом противоправных деяний, предусмотренных в ст. 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» УК РФ, как правило, являются общественные отношения, связанные с конституционным запретом экстремистской деятельности или ее недопущением⁷.

В качестве непосредственного объекта уголовно наказуемого преступления, ответственность за которое предусмотрена в ст. 282 УК РФ, по мнению М.У. Яхьяева, выступают: 1) правовой статус, включающий в себя такие элементы, как конституционные права и свободы гражданина и человека, честь и достоинство, которые они имеют право защищать законными способами вне зависимости от расовой, религиозной принадлежности и использовать в полном объеме; 2) санкции конституционного характера на разжигание национальной, расовой и религиозной неприязни и вражды; 3) совокупность общественных отношений правового характера, формирующихся по поводу единства позиций в отношении реализуемой в российском социуме политике и межгруппового взаимопонимания в данной сфере⁸.

В отечественной литературе встречаются и другие точки зрения относительно понимания непосредственного объекта рассматриваемых видов преступлений. Так, например, А.Г. Хлебушкин, проводя комплексный уголовно-правовой и уголовно-политический анализ экстремизма, указывает, что основным объектом организации деятельности экстремистского сообщества являются в первую очередь основы конституционного построения межличностных отношений: «в диспозиции данных норм указывается на обязательные мотивы — определенную гражданскую вражду или ненависть»⁹.

Огромным значением для правильной квалификации основных составов экстремистских преступлений (помимо объекта) обладает объективная сторона, под которой понимают систему признаков, определяющих уголовно-правовое значение общественно опасного деяния как внешнего события или внешней деятельности субъекта.

⁷ См.: Мужахоев Х.М. Объект преступлений, связанный с осуществлением экстремистской деятельности // Современные тенденции развития науки и технологий: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф.: в 5 ч. / под общ. ред. Ж.А. Шаповал. Белгород, 29 апреля 2017 г. Белгород, 2017. Ч. IV. С. 131.

⁸ См.: Хлебушкин А.Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ / отв. ред. Н.А. Лопашенко. Саратов, 2007. С. 143.

⁹ Там же. С. 69.

⁶ См.: Криминология: учеб. пособие. 2-е изд. Стандарт третьего поколения / под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. СПб., 2016. С. 72; Андриянов В.Н. Конституционно-правовые основы противодействия экстремизму // Всеросс. криминологический журнал. 2017. № 1. С. 32.

Необходимо отметить, что для каждого состава экстремистских преступлений предусмотрена своя объективная сторона. Так, например, объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» УК РФ, отражается именно в активных действиях. Такая позиция нашла свое подтверждение в судебной практике: под публичными призывами следует понимать «выраженные в любой форме обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности» (п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 г. № 11¹⁰). Для более точного уяснения объективной стороны данного вида преступления необходимо руководствоваться нормами Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ¹¹. При этом важное значение имеют: место, обстановка и способ к призыву (активные действия на митингах, собраниях, демонстрациях; распространение листовок с призывами побуждающего характера; рассылка сообщений через электронную почту или через различных сотовых операторов).

Оконченным преступление будет считаться с момента публичного провозглашения хотя бы одного из обращений, носящих признаки экстремистского характера, при этом результат такого призыва не имеет значения. Важно подчеркнуть, что основным квалифицирующим признаком данного состава преступления считается его совершение с использованием различных форм информационно-телекоммуникационных технологий (сети Интернет, электронной почты, СМИ и т.п.).

Объективную сторону преступления «возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» характеризуют активные деяния, обозначенные в ч. 1 ст. 282 УК РФ.

Оригинальную позицию в отношении трактовки объективной стороны данного вида преступления предложила в своем диссертационном исследовании Л.И. Залиханова: «Объективную сторону рассматриваемого состава преступления образуют действия, направленные на распространение сведений, призывов или совершение иных действий, формирующих чувство отчуждения, недовольства, озлобленности и мести между людьми различных национальностей, рас и религий, что неизбежно ведет к межнациональным, межрасовым и межрелигиозным столкновениям»¹².

Более расширенную точку зрения в отношении объективной стороны преступления, описанного

в ст. 282 УК РФ, предложил А.Е. Беляев. Он отметил следующее: «Действия, предусмотренные ч. 1 ст. 282 УК РФ, могут заключаться в распространении взглядов, идей, оценок или призывов; совершении провокаций (инсценировок, ложных обвинений и т.п.), которые могут совершаться в устной, письменной или иной формах. Как указывает ученый, распространение оценок, взглядов, идей, призывов, как правило, опирается на вымышленные факты или тенденциозно преподносимые сведения, возбуждающие чувство неприязни к образу жизни, исторической роли, укладу семейно-бытовых отношений, культуре, нравам и обычаям той или иной национальности, расы, а также культовым ценностям и обрядам определенной конфессии»¹³.

Можно констатировать, что между процитированными выше точками зрения наблюдается схожесть позиций. Они единообразно воспринимают содержательную сторону действий, которые формируют вражду, конфликтные отношения, неприязнь между различными общественными группами. При этом наблюдаются различия в трактовках способов, с помощью которых виновные лица осуществляют свой умысел. Это обусловлено тем, что в Уголовном кодексе РФ используется расширенный перечень противоправных действий, при этом не раскрывается их содержание.

Организация экстремистского сообщества либо общественного или религиозного объединения, либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, подлежащие квалификации по ч. 1 ст. 282¹ и по ч. 1 ст. 282² УК РФ соответственно характеризуются совершением хотя бы одного из следующих деяний: создание; руководство в целом или частью, входящей в целое; создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений такого объединения.

Анализ норм Уголовного кодекса РФ и норм ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» свидетельствует, что на законодательном уровне регламентировано понятие «экстремистская организация» — религиозное или общественное объединение, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности. При этом необходимо учитывать судебную практику, в которой отражено, что «лицо

¹⁰ См.: Росс. газ. 2011. 4 июля.

¹¹ См.: СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3031.

¹² Залиханова Л.И. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика возбуждения национальной, расовой, религиозной вражды: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2001. С. 61.

¹³ Цит. по: Борисов С.В., Беляева Т.Н. Оптимизация деятельности прокуратуры и других правоохранительных органов по обеспечению конституционных прав человека и гражданина в сфере противодействия экстремизму // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 1 (49). С. 30.

может быть привлечено к уголовной ответственности по ст. 282.2 УК РФ, если соответствующие деяния совершены им после официального опубликования сведений о признании соответствующей организации экстремистской и запрете её деятельности на территории Российской Федерации по решению суда». Перечень религиозных организаций и общественных объединений, деятельность которых приостанавливается или прекращается в судебном порядке в связи с доказанностью осуществления ими экстремистской деятельности, официально публикуется на сайте Министерства юстиции РФ и размещается в СМИ (например, в «Российской газете»).

Необходимо отметить, что в ч. 1¹ ст. 282¹ и 282² УК РФ регламентирована ответственность за следующие действия: склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества (общественного объединения или религиозной организации), в отношении которого судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением деятельности экстремистского характера.

Деяние, ответственность за совершение которого предусмотрена ч. 2 ст. 282¹ УК РФ, с объективной стороны состоит в совершении действия — участие в экстремистском сообществе, под которым надлежит понимать вхождение в состав такого сообщества и участие в подготовке к совершению одного или нескольких преступлений экстремистской направленности и (или) непосредственное совершение указанных преступлений, а также выполнение лицом функциональных обязанностей по обеспечению деятельности такого сообщества (финансирование, снабжение информацией, ведение документации).

Деяние, запрещенное ч. 2 ст. 282² УК РФ, характеризуется совершением лицом умышленных действий, направленных на осуществление целей экстремистской организации (проведение бесед в целях пропаганды деятельности запрещенной организации, вербовка новых участников, непосредственное участие в проводимых мероприятиях). Однако, на наш взгляд, формулировка ст. 282² УК РФ не совсем корректна, так как название статьи и ее содержательная сторона не совпадают.

Объективная сторона преступного посягательства «финансирование экстремистской деятельности» отражена в ст. 282³ УК РФ и представлена выполнением следующих действий, которые направлены на предоставление или сбор материальных средств либо на осуществление услуг финансового характера, которые изначально были привлечены для осуществления спонсирования организации, подготовки и совершения преступного деяния или преступных деяний, имеющих экстремистскую направленность, либо для

осуществления деятельности экстремистским сообществом или экстремистской организацией¹⁴.

Субъективные признаки любого уголовно наказуемого преступления — субъект и субъективная сторона. Для субъектов преступлений в экстремистской сфере характерны определенные признаки. Во-первых, это физические лица, а именно: граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства. При этом можно отметить общих и специальных субъектов данных видов преступлений (ч. 2 ст. 280 УК РФ), к последним можно отнести лиц, занимающихся изготовлением (изданием) печатных изданий, телепрограмм, листовок и т.д., — редакторов и иных руководителей, а также авторов статей, репортажей, программ, в которых содержатся призывы к осуществлению различных видов деятельности экстремистской направленности.

Во-вторых, наличие вменяемости, под которой в науке уголовного права понимают «психический статус лица, который определяет его способность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими»¹⁵.

В ст. 21 УК РФ анализируемый признак субъекта преступления определяют через невменяемость, включающую два юридических и четыре медицинских критерия. Если под первыми понимается неспособность лица осознавать фактический характер и общественную опасность своего деяния либо руководить им, то вторые из них включают указание на четыре разновидности психических отклонений: хроническое психическое расстройство, временное психическое расстройство, слабоумие либо иное болезненное состояние психики. При установлении хотя бы одного медицинского и одного юридического критерия уголовная ответственность исключается.

В-третьих, достижение возраста, установленного уголовным законом. В соответствии с ч. 1 ст. 20 УК РФ «уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста». Кроме того, согласно ч. 3 ст. 20 УК РФ несовершеннолетний не подлежит уголовной ответственности, если он хотя и достиг возраста уголовной ответственности, установленного ч. 1 или ч. 2 данной статьи, но вследствие отставания в умственном развитии, не связанного с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность совершаемых им действий или бездействия.

¹⁴ См.: Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учеб. / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога; 10-е изд., перераб. и доп. М., 2018. С. 267.

¹⁵ Алдохина В.В. Субъект в преступлениях экстремистской направленности и криминологические признаки личности преступника, совершающего эти деяния // Юристъ — Правоведь. 2017. № 1 (80). С. 55.

В отношении всех преступлений рассматриваемой категории, кроме публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности, на законодательном уровне регламентирован квалифицирующий признак: совершение деяния лицом с использованием своего служебного положения (п. «б» ч. 2 ст. 282, ч. 3 ст. 282¹ и ч. 3 ст. 282² УК РФ). При этом Постановление Пленума Верховного Суда РФ (2011 г.) дает разъяснение о том, кто входит в перечень данной категории лиц, в частности, это «должностные лица, обладающие признаками, предусмотренными примечанием 1 к статье 285 УК РФ, государственные или муниципальные служащие, не являющиеся должностными лицами, а также иные лица, отвечающие требованиям, предусмотренным примечанием 1 к статье 201 УК РФ».

Анализ материалов судебной практики свидетельствует, что круг субъектов, к которым относятся должностные лица, расширен. Так, например, к ним причисляют не только лиц, реализующих функции представителей власти различного уровня, но и лиц, осуществляющих функции управленческого характера как в коммерческой, так и в некоммерческой организации, которые не обладают статусом государственных или муниципальных учреждений.

Субъективная сторона рассматриваемых нами видов экстремистских преступлений характеризуется виной, мотивом и целью. Особое значение при квалификации совершенного деяния, в рамках анализируемых составов преступлений, придается вине, которая выражается в форме прямого умысла.

Что касается мотива и цели, то данный вопрос на федеральном уровне носит неуточнённый характер. Так, например, в диспозиции ст. 282 УК РФ не предусмотрены такие признаки субъективной стороны преступления, как мотив или цель, в ней присутствует такая формулировка, как «действия, направленные на...». При этом анализ ст. 280 УК РФ позволяет выделить общую цель данного состава преступления: бездействие или совершение действий радикального насильственного характера, направленных на побуждение лица к осуществлению различных видов экстремистской деятельности.

Отдельные представители отечественной науки (Л.В. Иногамова-Хегай, В.С. Комиссаров, А.И. Рарог) выделяют специальную цель, которая позволяет охарактеризовать субъективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 282² УК РФ: «продолжение деятельности ликвидированного юридического лица или запрещенной экстремистской деятельности организации, не являющейся юрлицом»¹⁶.

¹⁶ Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учеб. / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога; 10-е изд., перераб. и доп. С. 167.

* * *

Таким образом, проведя анализ проблем в сфере обеспечения государственной безопасности Российской Федерации, было выявлено наличие ряда проблем. Данные проблемы в большей степени относятся к уголовно-правовой политике в сфере государственной безопасности и обеспечения защиты конституционного строя.

Полагаем, что необходимо создать единый систематизированный перечень преступлений, посягающих на конституционный строй и национальную безопасность Российской Федерации. Создание научно обоснованной концепции позволит установить как юридический алгоритм распределения рассматриваемых преступлений по отдельным видам, так и круг преступных посягательств, потенциально опасных для конкретного объекта уголовно-правовой охраны — основ национальной безопасности Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алдохина В.В.* Субъект в преступлениях экстремистской направленности и криминологические признаки личности преступника, совершающего эти деяния // *Юристы — Правоведь*. 2017. № 1 (80). С. 55.
2. *Андрянов В.Н.* Конституционно-правовые основы противодействия экстремизму // *Всеросс. криминологический журнал*. 2017. № 1. С. 32.
3. *Борисов С.В., Беляева Т.Н.* Оптимизация деятельности прокуратуры и других правоохранительных органов по обеспечению конституционных прав человека и гражданина в сфере противодействия экстремизму // *Труды Академии управления МВД России*. 2019. № 1 (49). С. 30.
4. *Гаухман Л.Д.* Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 414.
5. *Залиханова Л.И.* Уголовно-правовая и криминологическая характеристика возбуждения национальной, расовой, религиозной вражды: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2001. С. 61.
6. *Криминология: учеб. пособие*. 2-е изд. Стандарт третьего поколения / под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. СПб., 2016. С. 72.
7. *Мельниченко А.Б.* Уголовно-правовые средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д., 2009. С. 177.
8. *Мужахоев Х.М.* Объект преступлений, связанный с осуществлением экстремистской деятельности // *Современные тенденции развития науки и технологий: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф.: в 5 ч. / под общ. ред. Ж.А. Шаповал. Белгород, 29 апреля 2017 г. Белгород, 2017. Ч. IV. С. 131.*
9. *Рясов Д.А.* Основы конституционного строя в содержании объекта уголовно-правовой охраны // *Бюллетень Владикавказского института управления*. 2018. № 54. С. 88.
10. *Свиштунов Д.Е.* Национальная безопасность в Российской Федерации: теоретико-правовое исследова-

ние // Вестник Марийского гос. ун-та. Сер. «Исторические науки. Юридические науки». 2017. № 1 (9). С. 78.

11. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учеб. / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога; 10-е изд., перераб. и доп. М., 2018. С. 167, 267.
12. *Фадеев В.Н., Долганов А.В.* Криминолиберализм: общественно-криминологическая экспертиза либеральных реформ в России. М., 2022. Книга первая.
13. *Хлебущкин А.Г.* Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ / отв. ред. Н.А. Лопашенко. Саратов, 2007. С. 69, 143.

REFERENCES

1. *Aldokhina V.V.* The subject in extremist crimes and criminological signs of the personality of the criminal who commits these acts // *Jurist – Pravoved.* 2017. No. 1 (80). P. 55 (in Russ.).
2. *Andriyanov V.N.* Constitutional and legal foundations of countering extremism // *All-Russian Criminological Journal.* 2017. No. 1. P. 32 (in Russ.).
3. *Borisov S.V., Belyaeva T.N.* Optimization of the activities of the Prosecutor's office and other law enforcement agencies to ensure the constitutional rights of man and citizen in the field of countering extremism // *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2019. No. 1 (49). P. 30 (in Russ.).
4. *Gaukhman L.D.* Qualification of crimes: law, theory, practice. 2nd ed., reprint and add. M., 2003. P. 414 (in Russ.).
5. *Zalikhanova L.I.* Criminal-legal and criminological characteristics of the initiation of national, racial, religious enmity: dis. ... PhD in Law. Rostov n/D., 2001. P. 61 (in Russ.).
6. *Criminology: textbook.* 2nd ed. Standard of the third generation / ed. by V.N. Burlakov, N.M. Kropachev. SPb., 2016. P. 72 (in Russ.).
7. *Melnichenko A.B.* Criminal legal means of ensuring national security of the Russian Federation: dis. ... Doctor of Law. Rostov n/D., 2009. P. 177 (in Russ.).
8. *Muzhakhoev H.M.* The object of crimes related to the implementation of extremist activities // *Modern trends in the development of science and technology: collection of scientific works based on the materials of the International Scientific and Practical Conference: in 5 parts / under the general ed. Zh. A. Shapoval.* Belgorod, April 29, 2017. Belgorod, 2017. Part IV. P. 131 (in Russ.).
9. *Ryasov D.A.* Fundamentals of the constitutional system in the content of the object of criminal law protection // *Herald of the Vladikavkaz Institute of Management.* 2018. No. 54. P. 88 (in Russ.).
10. *Svistunov D.E.* National security in the Russian Federation: theoretical and legal research // *Herald of the Mari State University. Ser. "Historical Sciences. Legal sciences".* 2017. No. 1 (9). P. 78 (in Russ.).
11. *Criminal Law of Russia. Parts General and Special: textbook / ed. by L.V. Inogamova-Hegai, V.S. Komissarov, A.I. Rarog; 10th ed., reprint and add. M., 2018. P. 167, 267 (in Russ.).*
12. *Fadeev V.N., Dolganov A.V.* Criminoliberalism: socio-criminological examination of liberal reforms in Russia. M., 2022. The first book (in Russ.).
13. *Khlebushkin A.G.* Extremism: criminal-legal and criminal-political analysis / ed. by N.A. Lopashenko. Saratov, 2007. P. 69, 143 (in Russ.).

Сведения об авторах

ГОЛИК Юрий Владимирович —

доктор юридических наук, профессор
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации; 125080 г. Москва,
ул. Врубеля, д. 12

ЛЕВАШОВА Ольга Викторовна —

кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного права, процесса и криминалистики
Липецкого филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации;
398050 г. Липецк, ул. Интернациональная, д. 3

ЧЕРНЫШЕВА Юлия Андреевна —

кандидат юридических наук, доцент
кафедры юриспруденции им. В.Г. Ермакова
Елецкого государственного университета
им. И.А. Бунина; 399770 Липецкая область,
г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28

Authors' information

GOLIK Yuri V. —

Doctor of Law, Professor of the Moscow Academy
of the Investigative Committee; 12 Vrubel str.,
125080 Moscow, Russia

LEVASHOVA Olga V. —

PhD in Law, Associate Professor of the Department
of Criminal Law, Process and Criminalistics,
Lipetsk Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration;
3 Internatsionalnaya str.,
398050 Lipetsk, Russia

CHERNYSHEVA Julia A. —

PhD in Law, Associate Professor of the Ermakov
Department of Jurisprudence, Bunin Yelets State
University; 28 Kommunarov str., 399770 Yelets,
Lipetsk Region, Russia